

ак же я его ненавижу!» — подумала я, глядя, как шеф, прихрамывая, сделал несколько шагов в сторону от машины.

Надо же, еще и оглянулся, не подслушиваю ли я его разговор с женой. Да больно нужно, тоже мне секреты, попросить у жены, чтобы выдала мне папку, которую он, видите ли, забыл. Голову он свою не забыл почему-то! А мне теперь за ней тащиться на восьмой этаж, потому что лифт у них, как на зло, сломан. Надо же, а еще элитный дом, лифт не могут в порядке содержать!

А этот придурок и зануда, мой шеф, умудрился еще растянуть ногу на объекте, поэтому мало того, что мне теперь нужно его возить на своей, между прочим, машине, так еще и тащиться к его жене за забытой папкой с договорами и актами.

Нет, ну как же я его ненавижу!

Я высунулась из машины и увидела, что шеф уже идет назад. Быстро поговорил, не стал, значит, с женушкой ворковать: «Лапонька, солнышко, будь так добра, отдай этой девчонке на побегушках папку, а то твой зайчик не сможет

пройти проверочку. А там, на объекте, инспектор сидит. И ждет, что ему актики покажут. А если не покажут, то у твоего зайчика большие неприятности могут быть»... Тьфу!

Ой, что это я, не стал бы он так с женой разговаривать. У него жена — какая-то чиновница высокого, между прочим, ранга. Стало быть, не полная дура. И как-то обмолвилась наш бухгалтер Анфиса Павловна, что шеф у жены не то чтобы под каблуком, но держит она его в ежовых рукавицах.

Ну, конечно, не мое это дело, тем более что Анфиса вообще много лишнего болтает.

А жену шефа мы видели пару раз, ничего себе такая, ухоженная особа, за собой следит, это сразу видно. На себя, любимую, никаких денег не жалеет. Но меня это не касается.

Шеф медленно подошел к машине.

— Ну вот, можете идти, — сказал он. — Папка лежит в прихожей, искать ее не нужно.

— Телефон, — отчеканила я, — верните мне мой телефон.

— Ах да! — спохватился он. — Простите...

И протянул мне мобильник, по которому звонил только что жене, его собственный телефон, видите ли, разрядился.

Какой-то шеф сегодня рассеянный, вся кровь к больной ноге от головы прилила, что ли?.. Раньше такого за ним не замечалось.

— Простите, — повторил он, — простите, Ульяна...

Ну, надо же, знает ведь прекрасно, что имя

6 свое я не люблю, и все знакомые и сотруд-

ники зовут меня Яной. И предупреждала я его, так нет, он нарочно так делает.

Нет, нужно менять работу. И перед увольнением высказать ему в кабинете один на один все, что я о нем думаю.

Вот все-все, причем откровенно, не выбирая выражений. Детально разобрать все стороны характера и поступки, вывести его из себя, объяснить, что представляет собой Арсений Николаевич Сарычев.

Я представила, какое у него при этом будет лицо, и невольно заулыбалась.

Он посмотрел удивленно и поморщился, возможно, от того, что задел больную ногу. То есть мне хотелось так думать, что из-за ноги, а не из-за меня. А впрочем, что это я? Мне на него плевать с высокой вышки! Без передышки.

Припарковалась я чуть в стороне от подъезда, причем неудачно, но я же не планировала оставить тут машину надолго.

Мы уже отъехали метров на двести, как вдруг Сарычев встрепенулся, пошарил в портфеле и сказал, что забыл самую нужную папку. Он-де положил ее на столик в прихожей и в самый последний момент забыл взять с собой. А без нее на объекте делать вообще нечего, так что придется за ней вернуться. И даже не извинился передо мной.

Так что теперь он проводил меня до подъезда и открыл дверь своим ключом.

— Я жду! — напомнил он, как будто я собиралась не просто взять эту чертову папку, а распивать с его женой чай-кофе и сплетничать о тряпках и сотрудняках.

Пока я поднималась на восьмой этаж, я успела мысленно обругать Сарычева всеми возможными ругательствами и обозвать его самыми обидными, на мой взгляд, прозвищами от «барана» до «ящера» (никакого прозвища на «А» мне не пришло в голову).

Наконец я подошла к его двери и позвонила.

Я мысленно увидела себя глазами его жены: взмыленная, растрепанная, злая такая девица... постаралась придать своему лицу более-менее приветливое выражение и позвонила еще раз.

Не то чтобы мне хотелось произвести на нее приятное впечатление, если уж на ее муженька мне плевать, то уж на нее-то тем более... но мама в свое время крепко-накрепко вбила в меня некоторые вещи, одна из которых: не смей показываться незнакомому человеку в непотребном виде. Знакомому тоже, но главное — незнакомому. Невзирая ни на какие сложности. Посторонние люди не должны знать о твоих проблемах, не нужно давать им повода жалеть, сочувствовать или злорадствовать.

Как-то я пыталась с ней спорить словами старой песенки: «Какое мне дело до вас до всех, а вам до меня?..»

Маму это не убедило, она редко меня воспитывала, но тут была тверда.

Итак, я пригладила волосы и сложила губы в улыбку.

Но к двери никто не подходил.

Да что же это... Она наверняка дома, ведь Сарычев с ней только что разговаривал. Может, она думает, что это он сам вернулся, и не хочет
8 открывать? Может, перед уходом они крупно

поговорили? Не знаю, по его лицу было непохоже. Вышел спокойно, кивнул мне еле-еле, на часы посмотрел, потому что время поджимало — в общем, все как обычно.

А мадам небось в ванне лежит в лавандовой пене, вот и не слышит. Или нет, сейчас белый день, так что релакс не подходит, нужно что-то тонизирующее.

Тут у меня мелькнула какая-то мысль, но быстро пропала, потому что я дико разозлилась.

Может, она забыла, что лифт не работает, и хоть у меня с ногами все нормально, но подниматься на восьмой этаж лишний раз неохота. Может, мадам думает, что он дал мне свои ключи?

Да, но у меня-то их нет!

Я снова мысленно обругала своего дорогого шефа (на этот раз просто «тупым дебилом») и собралась уже уходить, но на всякий случай толкнула дверь.

И дверь открылась.

Она была просто-напросто не заперта.

Потому, наверное, его жена и не спешила открывать...

Я вошла в прихожую, судорожно пытаюсь вспомнить, как зовут жену шефа. Разумеется, не вспомнила, и тогда, чувствуя себя последней идиоткой, крикнула в пространство квартиры:

— Прошу прощения! Здесь было не заперто! Это Яна, сотрудница Арсения Николаевича. Он попросил меня зайти за документами! Вот я и пришла...

И снова мне никто не ответил.

Это было уже как-то странно.

Хотя... может быть, она действительно принимает ванну или нанесла маску на лицо, вот и не хочет показываться незнакомому человеку в таком виде...

Я представила, что она выскажет шефу вечером, и на душе стало легче. Как говорится, пустячок, а приятно...

А пока я решила забрать чертову папку и как можно скорее уйти из этой квартиры.

Квартира, кстати, была неплохая.

Просторная прихожая — светло-бежевые стены, отлично сочетающиеся со светлым деревом мебели, неяркие потолочные светильники, большая картина в простой раме — букет полевых цветов в глиняном горшке. Ничего лишнего, вполне стильно и со вкусом.

Странно, вроде бы если дверь открыта, то оставила бы мадам папку в прихожей, но там ничего не было.

Я прошла через прихожую и огляделась, пытаюсь понять, где кабинет Сарычева.

Толкнула первую попавшуюся дверь — это оказалась кухня.

Большая, светлая, такие же бежевые стены, светлая мебель, светлая плитка на полу. Чистота и свежесть, только в одном месте рядом со столом кто-то разлил варенье. Судя по количеству, целую банку. Варенье, скорее всего, клубничное. И там же рядом с лужей варенья валялась тапочка. Милая такая, гламурная домашняя тапочка с меховым помпоном, тоже измазанная вареньем. Скорее даже не тапочка, а изящная домашняя туфелька.

Я машинально шагнула вперед...

10 И тут увидела ногу.

Нога была босая — видимо, с нее как раз и свалилась тапочка. Нога была стройная, ухоженная, с ярко-красными ногтями.

Тут я подумала, что жене Сарычева стало плохо, она потеряла сознание и упала. Потому и не открывала дверь.

Я обошла стол, наклонилась...

И тут мне самой стало плохо. Меня едва не стошнило.

На полу лежала женщина в полурасстегнутом халате. Миленький такой халатик, коротенький...

Женщина эта была мертвая.

То, что я в первый момент приняла за клубничное варенье, было кровью.

Крови было ужасно много. Я даже не думала, что ее так много в человеке.

А в шее у нее, чуть выше ключицы, торчала рукоятка ножа.

Нож был обычный, кухонный, с деревянной ручкой. У меня самой есть такой нож.

Как только я осознала, что женщина мертва, меня как ветром сдуло из кухни.

Я вылетела в прихожую, пересекла ее в долю секунды и уже хотела открыть дверь...

Но тут за этой дверью раздались осторожные шаги, и прозвучал женский голос:

— Арсений Николаевич, вы дома?

Я застыла и перестала дышать.

— Арсений Николаевич, у вас все в порядке? Это Клавдия Семеновна, соседка ваша!

Дверная ручка чуть заметно шевельнулась.

Тут я вспомнила, что дверь не заперта, и любопытная соседка запросто может вой-

ти в квартиру, как сама я за несколько минут до того.

Она войдет и увидит меня...

Я взглянула на себя ее глазами.

По-прежнему растрепанная и взмыленная, с безумным взглядом, да еще... еще на правой ноге у меня были красные капли. Умудрилась вляпаться в кровь.

Вот тут я по-настоящему разозлилась на Сарычева.

Вот почему он не пошел сам за этой дурацкой папкой! Нога у него, видите ли, болит! По лестнице ему не подняться!

Сволочь! Мерзавец!

Он убил свою жену и решил свалить все на меня! И я все сделала, чтобы его план сработал! Сейчас соседка увидит меня на месте преступления — и все, мне кранты!

Если увидит.

Значит, я не должна этого допустить...

И я вцепилась в дверь что было сил.

С той стороны кто-то попытался открыть дверь — но я держала ее крепко, и дверь не поддалась.

— Арсений Николаевич, что у вас за шум был? У вас все в порядке? У вас ничего не случилось?

Она еще немного помолчала, прислушиваясь. Я стояла, не шевелясь, даже перестала дышать, но сердце билось так громко, что его, наверное, было слышно за дверью.

— Я знаю, что вы дома! — мстительно проговорила соседка. — Откройте! Откройте сейчас же!

Тишина.

— Я вызову полицию!

Медленные удаляющиеся шаги.

Хлопнула дверь.

Я знала, что она, может быть, только сделала вид, что ушла, а сама караулит на лестнице. Или следит через дверной глазок. Но больше не было сил оставаться в этой страшной квартире.

Напоследок я в последний раз огляделась — и тут заметила под столиком синюю пластиковую папку. Ту самую, за которой Сарычев меня послал.

Машинально я подхватила ее, открыла дверь и выскользнула из квартиры.

На площадке никого не было — и я стремглав скатилась по лестнице. Вот хорошо, что сегодня собиралась на объект и на мне джинсы и кроссовки, в них бегать легко и можно ступать бесшумно!

Господи, о чем я думаю, тут же мысленно взвыла я — кроссовки, туфли... Там же лежит убитая женщина, а я только что была в этой квартире и наверняка там полно моих отпечатков!

И меня накрыло ужасом, как одеялом.

Не помню, как я скатилась с восьмого этажа, не помню, как выскочила из подъезда, не помню, как добежала до машины, помню только, как увидела, что этот негодяй, мой бывший шеф, сидит и спокойно читает газету. ГАЗЕТУ!

Тихо так, спокойненько, надел очки и читает себе. Еще бы музыку включил!

— Ну? — спросил он поворачиваясь. —

Принесли?

И тогда я, не примериваясь, ткнула его кулаком в нос. Получилось очень удачно, очки слетели, а у него из глаз потекли слезы.

Потом я снова потеряла представление о реальности, помню только, что тряслась и била его куда ни попадя — по щекам, по лбу, пыталась таскать за волосы, рвала воротник рубашки и пришла в себя от резкой боли. Оказалось, он схватил меня за руки и больно сжал.

— Да что с тобой такое? — прошипел он. — Приди в себя! Что, крысу, что ли, в подъезде увидела?

— Ты... — прошипела я, — ты сволочь...

В самом дальнем краешке сознания всплыла мысль, что что-то неправильно, что раньше мы никогда с ним не разговаривали на «ты». Но теперь-то какая разница?

— Ты, гнида, мерзавец, решил меня подставить? — Теперь мной владел не страх, а жуткая всепоглощающая ярость, мне хотелось его убить.

Вот просто так обхватить руками эту шею и сжимать, сжимать, пока глаза его не вылезут из орбит и он не перестанет дышать. Но как это сделать, если он крепко держит меня за руки?

— Скотина! — заорала я, чтобы дать выход своему гневу. — Так вот как ты решил мне отомстить? И за что? За то, что меня черт дернул с тобой переспать? Да кто тебя заставлял?

Это была чистая правда, вот до сих пор не понимаю, как это случилось месяца три назад. Была какая-то вечеринка... Восьмое марта, что ли, или юбилей фирмы...

Вот скажите, пожалуйста, с чего мы так напились? Да вроде и немного было спиртного... в общем, я плохо помню, с чего это он повез меня домой... ой, а потом...

Я проснулась утром, в квартире никого не было. Но по некоторым признакам я поняла, что со мной был Сарычев.

Черт, черт, черт! Спать с шефом — это вообще кошмар какой-то!

Когда в понедельник я пришла на работу, он сделал вид, что ничего не было. Ну и ладно, тем более что никто из сотрудников ничего не заметил. Господи, он мне совершенно не нравится!

А через неделю он вызвал меня в кабинет и прочел нотацию. Как следует себя вести на работе и вообще... я, честно говоря, тогда так растерялась, что не сумела притвориться: да вы о чем вообще говорите? То есть сделать вид, что я вообще ничего не помню.

Впрочем, он бы не поверил. Потому что я кое-то помню. Хоть и хотелось бы об этом забыть.

Так бы и случилось, если бы этот... не хочу лишний раз употреблять неприличное слово, это опять-таки вбила в меня мама, так вот, если бы он просто сделал вид, что ничего не было. Совсем ничего. Так нет же, ему понадобилось читать мне нотацию! Да еще таким тоном... вот после этого я его возненавидела. И хотела уволиться, но ничего приличного не подворачивалось. Сейчас вообще трудно найти работу, я не собираюсь голодать из-за этого гада и придурка.

Все это промелькнуло в голове за долю секунды.

— Ты сволочь! — завела я прежнее. — Подонок, негодяй, лицемер и убийца!

— Убийца?

Я увидела совсем близко его глаза без очков, в них было безмерное удивление.

— Ну, уж это ты загнула... — протянул он. — Кого это я убил?

— Ты еще спрашиваешь? — неожиданно ярость моя куда-то испарилась, ее заменило холодное бесшество. — Ты убил свою жену!

— Что-о? — Он отстранился и даже выпустил мои руки. — Детка, ты в своем уме? Что ты несешь?

Мне захотелось стереть с его лица эту мерзкую ухмылку.

— Радуюсь? — прошипела я. — Недолго тебе осталось радоваться жизни. Думаешь, выйдешь сухим из воды?

— Какая вода? — оторопел он. — О чем это ты? Да что с тобой? Пила вчера, кололась?

— Да со мной-то как раз все будет в порядке! — сказала я как могла спокойно, хотя знала, что это не так. — Я к этому убийству не имею ни малейшего отношения. Жену твою я вообще два раза в жизни видела и то мельком, ни разу с ней не разговаривала, так что нет у меня мотива. Ни малейшего. А вот про тебя я точно знаю, и полиция сразу же точно скажет, что в таком деле первый подозреваемый — муж! Или в крайнем случае любовник!

— Какой любовник? — Сарычев нахмурился. — Ты о чем вообще-то? При чем тут моя жена?

— Бывшая... — ехидно поправила я, — то
16 есть ты теперь бывший муж. Потому что нет

у тебя больше жены, она там наверху в прихожей лежит мертвая.

— Постой... — Он вдруг побледнел на глазах, как будто кровь выкачали. — Ты что говоришь-то? Ты серьезно? Ты не шутишь?

— Какие шутки! — снова рассвирепела я. — Стала бы я так шутить! Это уже перебор! Русским языком тебе толкую, что нашла на кухне твою жену убитую! Мертвую, понятно? То есть, конечно, если это правда она. Халатик такой — темно-розовый, оттенок симпатичный, вроде увядающего шиповника, у нее есть?

Теперь лицо его приобрело синюшный оттенок, он раскрыл рот и задышал часто-часто, как рыба, вытащенная на берег. И руки к сердцу прижал. Только я вот ни капельки ему не поверила. Артист погорелого театра! Нарочно меня туда послал, чтобы на меня все свалить! Сам ее убил, вызвал меня, потому что якобы водить не может из-за ноги. Ага, это еще проверить нужно, что там с ногой у него. Повязку наложить на здоровую ногу я тоже могу!

Сарычев дрожащей рукой вслепую шарил по дверце, чтобы открыть окно, и когда я это сделала за него, он продышался немного. Не то чтобы порозовел, но синюшный цвет с лица пропал, теперь он был просто бледный.

Потом он пошарил на сиденье, ища очки, которые я сломала, когда дала ему в нос. Оправа наверхняка дорогая, но я ничуть об этом не жалею. Заслужил.

Одно стекло треснуло, и правая дужка погнулась, тем не менее он надел очки и открыл дверцу. И даже газету с собой прихватил, 17

тогда я поняла, что он точно не в себе. Потому что все в офисе знают, что очки ему нужны только для чтения, а машину водить и пешком ходить он и так неплохо видит.

Он, наверное, задел больную ногу и скрипнул зубами, зацепившись брючиной за дверцу. И наклонился, чтобы отцепить, пробормотав ругательство.

И в эту секунду во двор влетели три машины с мигалками, не стали парковаться, остановились посередине дороги, и из машин посыпались люди. Из первой — трое в бронезилетах и с автоматами, из второй — штатские, один с докторским чемоданчиком, эти не очень торопились.

И наконец, из третьей вышел коренастый, даже полноватый такой мужик в форме и не спеша пошел к подъезду. Разумеется, к тому самому, где живет Сарычев, кто бы сомневался.

«Не больно-то он торопится», — машинально отметила я. С другой стороны, если их вызвали, как говорят в сериалах, «на труп», то торопиться уже действительно некуда, покойница никуда не убежит.

Мужчина в форме постоял возле подъезда и неторопливо оглянулся, окинув двор цепким взглядом. Но за долю секунды до того, как его взгляд упал на мою машину, я успела втянуть Сарычева внутрь и захлопнуть дверцу.

Вот не спрашивайте, почему я это сделала, действовала на автопилоте, не рассуждая.

Тут откуда-то возник во дворе пузатый мужчина с толстым пижонским портфелем. Шел он быстро, с самым деловым видом. Однако,

увидев полицейские машины, споткнулся и вид свой деловой потерял. Приблизившись же к главному полицейскому, он и вовсе стушевался и заговорил что-то, размахивая руками, как мельница, едва не выронив свой портфель.

— Кто такой? — Я ткнула Сарычева в бок.

— Управдом наш. Жулик тот еще, — проговорил он одними губами.

Управдом что-то показывал наверх, потом замолчал с виноватым видом, наверное, оправдываясь за неработающий лифт.

Мент от него отмахнулся и вошел в подъезд.

— Как они так быстро успели? — пробормотала я.

И тут вспомнила, что в дверь стучалась соседка... как ее, Клавдия какая-то-там, звала Арсения Николаевича и грозилась вызвать полицию. Вызвала, стало быть. И вот что интересно, обращалась она именно к Сарычеву. Не к жене его, стало быть, знала, что она не может ответить? Значит, он ее убил и сбежал.

А потом послал меня за папкой? Чтобы подставить, свалить все на меня?

Глупо и нелогично. Уж что-что, а соображать Сарычев умеет, это все сотрудники знают. Кажется бы, убил — так и езжай себе на объект, а потом вечером сделай вид, что только что приехал, вызывай полицию или что там еще полагается. А он вместо этого посылает меня, и дверь оставляет открытой, чтобы я вошла и увидела его мертвую жену.

Может, он думал, что я с перепугу стану хвататься за нее и за нож, чтобы оставить

на орудии преступления свои отпечатки и перемазаться кровью? Ага, нашел дуру!

Вот, кстати, о крови.

Я вспомнила, что на белых кроссовках видела несколько капель крови. Ага, вот они.

Я тщательно стерла кровь салфеткой, а потом задала себе вопрос: «Что я, собственно, тут делаю? Уезжать отсюда как можно скорее! Нечего тут отсвечивать, еще запомнят машину!»

И тут оказалось, что уехать невозможно. Менты перегородили своими машинами весь проезд, мне не выехать.

— Что делать? — Я задала это вопрос просто так, не ожидая ответа, но все же повернулась к шефу.

Можно сказать, что бывшему, поскольку его скоро арестуют по обвинению в убийстве. Да, но если его обнаружат в моей машине, то это просто кошмар, меня тоже арестуют и посадят в камеру! У него-то деньги есть, он адвоката хорошего наймет, а мне придется сидеть там...

Я заскрипела зубами от ярости и ткнула этого злодея в бок.

— А? — Он повернул ко мне совершенно обалдевшее, бледное лицо. — Что такое?

— Что такое? — В последний момент я, к счастью, не проорала эти слова, а прошипела, как рассерженная гадюка. — Ты еще спрашиваешь, что такое?

И тут я поняла, что он меня не слышит. И не видит в упор. И не понимает, где находится. В ступоре он. В астрале.

— Эй! — Я помахала растопыренной рукой у него перед лицом. — Алло, гараж!

Никакого эффекта.

— Гражданин Сарычев! — Я повысила голос. — Вы признаете себя виновным?

Вы не поверите, но помогло. Он очнулся и посмотрел почти осмысленно.

— Это не я, — сказал шеф, причем голос звучал как-то странно.

Но я поняла, что он не врет. Но может, он просто забыл? Память — это такая тонкая вещь... он сам ужаснулся того, что наделал, вот память и заблокировала все, что произошло.

Ладно, с этим к психоаналитику на прием, а мне бы ноги унести. То есть колеса. Не собираюсь оставлять здесь свою машину, менты небось проверят и по ней меня найдут.

В это время с проспекта подъехал грязно-белый пикап, сбоку у него было написано «Аварийная». Все ясно, вызвали ремонтников, чтобы лифт починили.

Увидев перегородившие дорогу машины, пикап негодуяще засигналил. Тут же из подъезда выскочили четверо парней в бронежилетах, сели в первую машину и уехали. Понятно, что им там нечего делать — в квартире-то один труп.

Водитель второй машины аккуратно припарковался на свободном месте, видно, надолго здесь обосновался. Третий водила просто сдал назад, въехав, кстати, на газон очень близко от моей машины.

Из аварии вышли двое парней и, переругиваясь с появившимся управляющим, зашли в подъезд, из которого как раз выходил тот главный мент, разговаривая по мобильнику.

— Да! — говорил он громко. — Так точно, место преступления оцепили. Угу, опрос соседей проводим.

Он ненадолго замолчал, видно, слушал, потом продолжил:

— Да там соседка, что рядом, полностью в курсе. Ругалась покойница с мужем как раз до этого, она крики слышала. А потом все тихо стало, она думала, он ушел, вроде даже дверью хлопнул. А после чего-то ей беспокойно стало, она и сунулась, а дверь открыта... ну, она полицию вызвала, то есть нас. Да точно, муж это, что тут думать-то. Значит-ся, сейчас к нему на фирму, как ребята здесь закончат, берем тепленьким, сразу на допрос — и к вечеру дело закроем.

Он еще немного послушал, как начальственный голос рокотал в трубке, потом сказал:

— Так точно. Слушаюсь! — и убрал мобильник в карман.

Наконец машина уехала, и тогда я ощутила, что сжимаю руку шефа. Оказалось, я так вцепилась в его ладонь ногтями, что остались заметные следы.

— Это не я, — повторил он. — Я этого не делал. Я ее не убивал. Я, когда уходил, она была жива. Жива и здорова. Ты мне веришь?

— Пригнись! — приказала я, вырывая со двора. — Пригнись и помолчи пока!

Куда я еду, я и сама не знала, просто пыталась убраться от этого дома. Очень мне не понравился цепкий взгляд того главного мента. Не дай бог, машину мою запомнит...

— Не веришь, значит, — тянул свое Сарычев, — ну что ж, конечно. Раз уж ты не

веришь, а ты меня знаешь... то что о других говорить... значит, никто не поверит...

Я взглянула на него искоса: вот с чего, интересно, он решил, что я его хорошо знаю? Если мы с ним раз переспали (черт меня дернул!), то уж сразу и узнали друг друга? Он так думает?

Захотелось ответить ему, как в старом анекдоте, «постель — не повод для знакомства», но момент для шуток явно неподходящий.

Тут я поняла, что шеф просто не в себе, раз несет такое. Теперь встал вопрос: верю я ему или не верю. Если он и правда не убивал свою жену, то нужно ему помочь, потому что закатают его по полной, как только поймают. Если же он мне врет, и все-таки он — убийца, то мне нужно срочно помочь себе.

И тут у него зазвонил телефон. Просто обычный звонок, как у стационарного телефона, никакой мелодии.

Шеф достал мобильник из кармана куртки, посмотрел на дисплей и нахмурился, потом осторожно нажал кнопку.

Сидя рядом, я услышала, как заорал в трубку бригадир Иваныч:

— Николаич, ты где ходишь-то?

Он всех называет по отчеству, только меня по имени, говорит, до отчества я не доросла.

— Работа у нас встала! — орал Иваныч. — Эти здесь сидят, штрафами грозятся, говорят, каких-то актов у них нету. Так ты подъедешь, а то они сильно злые?

— Уже в пути, — ответил Сарычев мрачно, — скажи, все документы у меня есть, мы

их отправляли по имейлу, а что они не получили, так пусть проверят.

Иваныч заорал, что эти пещерные люди по внешнему виду вообще с компьютером незнакомы, но Сарычев уже отключился.

Тут я увидела справа по курсу стоянку у небольшого магазина и свернула туда.

— Вот что, господин Сарычев, — отчеканила я прежде, чем он успел что-то сказать, — и как это понимать?

— А что мне делать? — огрызнулся он. — Сидеть и ждать, когда меня арестуют? Или самому с повинной являться? Слышала — менты сейчас в офис поехали. А так хоть дело сделаю, Иванычу акты передам, а то у них вся работа встала.

— Я не об этом, — холодно сказала я, — оказывается, ваш телефон прекрасно работает. И для чего вы наврали мне, что он разрядился? Чтобы подставить меня, позвонить по моему телефону, и теперь мой номер есть в телефоне вашей жены?

Я только сейчас осознала, что так оно и есть, и если менты проверят ее телефон, а они обязательно это сделают, то как я объясню, зачем ей звонила? Нет, все-таки шеф мерзавец, каких мало...

— Пошел вон из моей машины, — процедила я.

— Ты что, ты что? — Он отшатнулся, видимо, лицо у меня и правда было страшноватое. — Да что ты такое подумала?

— А что я еще могу подумать? — заорала я в полный голос. — За каким бесом тебе понадобился мой телефон, раз свой в порядке? Пошел вон из моей машины, видеть тебя не желаю!

— Ну ладно. — Он с силой втянул воздух сквозь сжатые зубы. — Мы и правда поругались. Здорово поругались, эта соседка вечно под дверью подслушивает, так небось и слышно было. Это из-за... — Он помедлил и нахмурился.

— Мне по барабану, — тут же вставила я, и это действительно было так. Ну из-за чего обычно супруги ругаются?

Бывает, конечно, из-за денег, так здесь не тот случай, жена шефа зарабатывала небось побольше его.

Может, она его с девицей застукала?

Да я вас умоляю, таких мужчин, как наш кристально честный шеф, только поискать. Исключая, конечно, тот прискорбный случай три месяца назад (черт меня тогда дернул!). Но я точно знаю, что про тот случай никто не знает. Потому что нас никто не видел, а я не из тех дур, которые треплют про себя под большим секретом кое-что лучшей подруге, чтобы через некоторое время убедиться, что секрет знает весь мир (я не преувеличиваю, имея в виду социальные сети).

Это тоже вбила в меня мама в свое время, за что ей, конечно, спасибо, очень ценное качество, правда, поняла я это только недавно.

Стало быть, у его жены любовник, и шеф об этом узнал, вот и разорался. Ну, вот это меня совершенно не касается.

— Мне по барабану, — повторила я.

— Ну да, — вздохнул он, — конечно. В общем, я оттого и папку забыл, что злой был, как черт. И понял, что, если со своего телефона позвоню, она и не ответит. А так... она ответи-

ла, я попросил быстро, чтобы она тебе папку отдала.

— И что?

— И ничего, она отсоединилась. Вот клянусь тебе, она ответила! Жизнью своей клянусь!

Я хотела сказать, что мне его жизнь сто лет не нужна, и сам он тоже, но промолчала. И задумалась. Все-таки верю я ему или не верю? Сама не пойму...

Как-то все глупо и нелогично, как в плохом детективе. Ну для чего ему было посылать меня в свою квартиру, если там на кухне лежит его мертвая жена? А вот если он с ней поругался, то это кое-что объясняет. Просто не хотел еще раз с женой сталкиваться.

И еще один момент. Я наклонилась и внимательно обследовала обувь шефа. Сегодня он собирался на объект и тоже надел кроссовки. Новые, светлые, хорошей фирмы. И совершенно чистые.

Надо же, я всего-то пять минут пробыла в той квартире и то умудрилась запачкаться, а на нем нигде ни пятнышка. В то время как кровящи там...

Внезапно я снова дико разозлилась на Сарычева.

Ну за что мне это? За что он меня втянул в такое безобразие? Что я ему сделала?

— Ладно, едем на объект, пока все сроки не прошли! — Я развернулась и тронула машину с места.

Про себя же решила, что довезу его до места и оставлю там. Пускай он сам с проверяющими разбирается, а я уеду в офис. И если

возьмут его менты, то не при мне. А я знать ничего не знаю про то, что он папку забыл и меня туда послал — так и быть ничего не скажу. Правда, соседка... ну, будем надеяться, что она меня не видела, а то уж не преминула бы ментам сообщить.

Наша фирма вообще-то занимается археологическим обследованием земельных участков.

Кажется, археология — наука, весьма далекая от коммерции. У большинства людей с ней ассоциируются раскопки в далеких южных степях, следы исчезнувших цивилизаций, обломки античных статуй или на крайний случай амфор... в общем, всевозможная непрактичная и бесполезная романтика. Песни у костра под расстроенную гитару и все в том же духе, как в старых черно-белых фильмах.

Так оно, может быть, и было в прежние времена, которые я не застала. Но в последние годы все очень переменялось, и археология сделалась очень востребованной.

Дело в том, что перед любой новой стройкой теперь требуется провести археологическое обследование выделенного под эту стройку участка. Такое вот вышло постановление.

Требуется убедиться, что на этом участке нет ценных исторических или художественных артефактов, нет следов средневековых поселений или стоянок древнего человека. Вот не поверите, но так и сказано там, про древнего человека, как будто мы живем не на северо-западе, а в какой-нибудь Южной Америке или где там самую старую женщину-то нашли? Ее еще называли Люси... 27

Причем все эти работы проводятся не за государственный счет, а за деньги владельца участка или застройщика, так что проблем с финансированием нет. Все очень просто: хочешь, чтобы тебе разрешили строить, — будь любезен, оплати полноценное археологическое обследование участка.

Кажется, все это началось со строительства знаменитой газпромовской башни на Охтинском мысу. Тогда на участке нашли следы десятков поселений, начиная с эпохи неолита и кончая петровским периодом, и стройку перенесли-таки на другое место, поскольку ученые и общественность очень возмутились.

В общем, так и получилось, что археологи стали весьма востребованы, и только в нашем городе появилось до тысячи фирм, занимающихся подобными исследованиями.

И наша в том числе.

Мы готовим проектную документацию, нанимаем работников и проводим все требуемые работы. На нас трудятся два профессиональных археолога, и, кроме того, каждый раз приходится набирать десятка два чернорабочих, чаще всего, гастарбайтеров. Потому что археологические изыскания — работа в основном ручная, кропотливая, нужно рыть множество раскопов и вручную перебирать многие тонны земли, чтобы найти следы минувших лет.

Или убедиться, что этих следов на выделенном участке нет.

Обычно так и бывает.

Обычно в процессе обследования наши работяги не находят ничего интересного — са-